

**ЛЕГКО ЧИТАЕМ
ПО-НЕМЕЦКИ**

**3
УРОВЕНЬ**

НЕМЕЦКИЙ С УЛЫБКОЙ

**Курт Тухольский
УЧИСЬ СМЕЯТЬСЯ
НЕ ПЛАЧА**

Kurt Tucholsky »Lerne lachen ohne zu weinen«

словарь • комментарии • упражнения

Легко читаем по-немецки

Курт Тухольский

**Немецкий с улыбкой.
Учись смеяться не плача /
Lerne lachen ohne zu weinen**

«Издательство АСТ»

2014

Тухольский К.

Немецкий с улыбкой. Учись смеяться не плача / *Lerne lachen ohne zu weinen* / К. Тухольский — «Издательство АСТ», 2014 — (Легко читаем по-немецки)

Курт Тухольский (1890 – 1935) – талантливый немецкий сатирик XX века, будет интересен русскому читателю как человек, сочетающий в себе немецкую строгость и серьезность с русской душевностью, глубиной понимания другого человека. Его рассказы учат людей смеяться. Автор видит в смехе начало, сближающее людей. Если люди объединены смехом, они могут избежать вещей, заставляющих плакать. Произведения подверглись незначительному упрощению, что позволило сохранить как сюжетную линию, так и живой немецкий язык. Предназначается для изучающих немецкий язык (уровень 3 – для продолжающих средней ступени).

© Тухольский К., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Предисловие	6
Der berühmteste Mann der Welt	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

**Курт Тухольский. Учись смеяться
не плача / Kurt Tucholsky.
Lerne lachen ohne zu weinen**

© Нестерова Е. А., адаптация текста, комментарии, словарь

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

«Смеяться, чтобы не плакать»: Курт Тухольский как загадка немецкой души.

Мы учим языки для того, чтобы понимать людей других наций.

Юмор же – одна из самых глубоких черт культуры: то, что греет и радует, заставляет человека улыбаться, должно затрагивать самое его сердце и душу.

Немцев обычно воспринимают как рационалистов и прагматиков. Фауст, считающийся воплощением национальной души Германии, был хорош, кажется, во всем, кроме смеха. Действительно, даже представить себе смеющегося от души немца (если это не баварец) достаточно сложно.

Отчасти это обусловлено историей Германии в последние два столетия. Немцы – сознательная нация. Они не используют смех как способ отгородиться от собственной истории и собственных ошибок. Немец серьезно относится к тому, что имеет, в том числе и к наследию своего прошлого. Поэтому юмор у авторов XX века если и появляется, то носит максимально общий, философский характер. Авторы стремятся использовать его так, чтобы не задевать других, что сделать весьма не просто, ведь смех всегда – смех над кем-то. Курт Тухольский (1890, Берлин – 1935, Гётеборг, Швеция) же наоборот видит в смехе начало, сближающее людей. Поэтому он хочет «научить» своих читателей – прежде всего, конечно, немцев – смеяться: если люди объединены смехом, они смогут избежать деяний, заставляющих плакать. Так можно расшифровать название книги.

Курт Тухольский будет интересен русскому читателю, как человек, сочетающий в себе немецкую строгость и серьезность с русской душевностью, глубиной понимания *другого человека*. В его текстах прорываются русские словечки, описывающие явления настолько далекие от немецкого характера, что он не находит им аналога в немецком языке. Сам автор, несмотря на еврейские корни, о которых он никогда не забывал, воспринимает себя как немца, он ничуть не отстраняется от происходящего в стране на его глазах. Напротив, он проживает это как историю равно личную и всемирную. Его проза ностальгична, душевна (совершенно не по-немецки), но при этом фиксирует события настоящего момента с ясной, холодной головой историка.

В Германии Тухольский считается непревзойденным мастером юмора. Русскому читателю придется внимательно вчитываться в зачастую абсурдные, но еще чаще исторически жуткие зарисовки Германии 30-х годов, чтобы нащупать пульс этого юмора: временами обвиняющего, временами очарованно, восхищенно радующегося чему-то или кому-то, но никогда не осуждающего – осуждать можно других, а автор не отделяет себя от того мира, в котором живет.

Der berühmteste Mann der Welt

All der Unsinn, den Mister Chaplin macht, kommt nicht aus dem vergeblichen Versuch, klug zu sein, sondern aus den misslingenden Versuchen, so zu sein, wie andere Leute auch.

St. John Ervine

Kein Parlamentarier ist der berühmteste Mann der Welt und kein Politiker, weder Wilson noch Poincaré – kein Erfinder ist es, kein Tenor, kein Flugzeugführer. Der berühmteste Mensch ist zweifellos Herr Charlie Chaplin, über den alle einmal gelacht haben: die Pariser und die Londoner, alle Amerikaner und die australischen Matrosen, die Besucher der chinesischen Kinos und neuerdings auch die Deutschen, der alte Kontinent und der neue – und dass der Mars noch nicht über ihn gelacht hat, liegt nur an der mangelhaften Verbindung zu diesem kinolosen Möbel.

Mister Chaplin ist so:

Die Gegend betritt ein kleinerer Mann mit einem kleinen schwarzen Hütchen, einem Stöckchen, einem Schnurrbärtchen. Er geht, wie noch nie ein Mensch auf dieser Welt gegangen ist: er watschelt rasch und eilfertig auf zwei Füßen, deren Spitzen ganz nach auswärts gedreht sind. Er hat schwarze, fast traurige Augen, und er sieht bekümmert in die Welt, weil es nun doch gleich einen Kummer geben wird. Richtig, da ist er.

Der Kummer ist ein dicker Mann, ein roher Bursche von ungeheurem Format, mit dem Herr Chaplin sofort aneinandergerät. Weshalb, ist nicht ganz klar. Diese Filme sind überhaupt nicht ganz klar. Aber es kommt ja nicht auf¹ ihre Handlungslosigkeit an und auf das Gewirr von Prügeln, Feuerwehrschräuchen, jungen Mädchen, auslaufenden Milchflaschen und herunterfallenden Gipsbüsten. Es kommt auf ihn an, auf Mister Chaplin.

Aus den acht oder zehn Films, die bis jetzt nach Deutschland gekommen sind, bleibt eine Fülle von Einzelheiten haften, deren jede vollendet gespielt ist.

Mister Chaplin lädt dreizehn Stühle auf seinen Rücken, sieht aus wie ein Morgensternsches Stuhlschwein und starrt vor lauter Stuhlbeinstacheln: Mister Chaplin ist aus dem Gefängnis entflohen, wo die amerikanischen Sträflinge bekanntlich gestreifte Kleidung zu tragen haben, und erwacht morgens im Bett: verwundert und deprimiert gleiten seine schwarzen, klugen Augen über den gestreiften Pyjama und über die Gitterstäbe seines Bettes – also doch? Wieder Gefängnis? – Nein, der Diener bringt den Kaffee. Und wie Herr Chaplin dann sofort aus dem geduckten Flüchtling ein feiner Herr wird, mit einer Zuckung der Schulter, einem ganz unmerklichen Zusammenreißen in den Augen: das ist schlechthin meisterhaft. Herr Chaplin muss hungrig zusehen, wie ein dicker Mann von vierundzwanzig Tellern sein Frühstück isst; dann soll er die leeren Teller abräumen. Ein Blick, zwei Löffel, und Herr Chaplin beginnt mit sieghafter Geste auf den Tellern Xylophon zu spielen.

All diese Einfälle dauern nur einen Augenblick, das geht alles ganz rasch vorüber, wird mit den sparsamsten Mitteln exekutiert. Er hat sich hinter einem umgestürzten Küchentisch verbarrikadiert und bewirft seine Partner mit gebratenen Kartoffelklößen: blitzschnell taucht die Assoziation „Schützengraben“ in ihm auf: er ergreift zwei leere Weinflaschen, steckt den Kopf über den Tisch und beäugt unendlich strategisch den Feind durch dieses neue Scherenfernrohr – und blitzschnell taucht er wieder unter.

Er hat eine Komik des Nichttuns entwickelt, die ganz ungeheuerlich ist. Der Mann, der sich nicht traut, durch eine Tür zu gehen, dreimal ansetzt und viermal umkehrt, ist noch niemals so gespielt worden wie von ihm. Er sitzt in der Heilsarmee und muss über irgend etwas lachen, das neben ihm vorgeht – der strafende Blick des Predigers fällt auf ihn – Großaufnahme: man sieht ihn fröhlich grinsen, und dann ist das Lachen wie mit einer Zange abgekniffen². Unruhig ruckelt ein gerüffelter Schuljunge auf seinem Platz, und ganze Völkerschaften liegen unter dem Tisch.

Womit er das alles erreicht, ist völlig unbegreiflich. Manchmal nur mit einer kleinen Bewegung – er kann mit den Schultern weinen. Einmal wird einer massiert – Chaplin sieht den riesigen Bademeister und sein beklatschtes und malträtiertes Opfer. Er wird der Nächste sein... Und in den unergründlichen Augen liegt eine solche Angst, eine solche tiefe und fast tierische Furcht und dazu eine Gran Ironie, dass es so etwas gibt... Und er bewegt sich nicht, und man hört ihn jeden Gedanken denken.

¹ Es kommt auf an – всё зависит, (всё) дело в

² wie mit einer Zange abgekniffen – как откушенный клещами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.